

Путь через сплетения корней и хаос валунов наконец остался позади. Дальше тропа, повинаясь изгибам горного склона, переходила в каменные ступени — куда более ровные и удобные, чем то, что им довелось преодолеть до этого.

Шуй Цюэ уже собирался высвободить свою руку, но Се Хуахуан, за которого он цеплялся, не разжал пальцев, продолжая бережно поддерживать его.

— Впереди ступени, и они довольно высокие. Не спеши, — проговорил он с безграничным терпением в голосе.

На самом деле зрение Шуй Цюэ не было абсолютно серым — он вполне мог различить смутные очертания лестницы, но мужчина, похоже, окончательно уверился в его полной слепоте. Се Хуахуан проявил искреннюю заботу, и Шуй Цюэ не нашёл в себе сил оттолкнуть его, а уж тем более признаться, что на самом деле кое-что видит.

Он снова послушно опёрся на руку спутника.

Однако Аттикус, шедший в середине группы, недовольно нахмурился. Он раздражённо взъерошил свои золотистые кудри и с явным раздражением бросил:

— Ты что, сам идти не можешь? Вечно заставляешь других возиться с тобой. Мало того что плетёшься как черепаха, так ещё и руки занимаешь. Дождь хлынет раньше, чем мы доберёмся до этого святилища.

Се Хуахуан бросил быстрый взгляд на недовольного юношу.

— Мне не трудно, — спокойно ответил он, не замедляя шага и не выпуская руки Шуй Цюэ. — Ступени крутые, здесь легко оступиться. Если я буду его поддерживать, мы дойдём быстрее.

Его голос оставался ровным, лишённым всякого вызова, но и уступить он не собирался.

[Задание по продвижению сюжета: Не в силах выносить тяготы долгого пути, вы, как истинная обуза, останавливаетесь и требуете, чтобы товарищ по команде понёс вас на спине. (Ожидаемый результат: 51% → 53%)]

Система Номер 77 сейчас напоминала зашивающегося секретаря: она едва успевала модерировать чат трансляции и одновременно зачитывать пункты сценария, когда те срабатывали.

Извлекая уроки из прошлого мира, где прогресс сюжета был слишком туманным, 77-я

установила новое программное обеспечение. Теперь, стоило системе загрузить оригинальный текст новеллы, как плагин начинал моделировать шкалу прогресса и выдавать своевременные подсказки-задания.

Например, сейчас. В романе лишь вскользь упоминалось, что Шуй Цюэ постоянно тормозил команду, но не уточнялось, как именно. Новая программа, опираясь на алгоритмы больших данных и текущую ситуацию, сгенерировала конкретное действие. Это было всего лишь предложение, облегчающее отыгрыш роли — Шуй Цюэ мог как принять его, так и проигнорировать.

К примеру, до этого программа почему-то решила, что ему нужно осыпать Чу Цзин-тина самыми грязными ругательствами. В книге, вероятно, стояло просто слово «оскорбления», но плагин выдал целый текст, полный унижительных нападок на личность. За выполнение обещали сразу 5% прогресса.

Разумеется, Шуй Цюэ отказался. Те ругательства были настолько мерзкими, что ему казалось — стоит произнести их вслух, и язык отвалится. К тому же он считал, что и так достаточно задел Чу Цзин-тина своими поступками. Личные оскорбления были лишними — Шуй Цюэ всерьёз опасался перегнуть палку и довести главного героя до нервного срыва.

Особенно после того случая...

Тот момент, когда он случайно уселся на лицо Чу Цзин-тина, наверняка стал для того психологической травмой на всю оставшуюся жизнь. Стоило Шуй Цюэ вспомнить об этом, как его охватывало жгучее чувство вины.

Но нынешнее задание казалось вполне безобидным.

Он высвободил свою руку из хватки Се Хуахуана. Тот, решив, что юноша хочет идти самостоятельно, посмотрел на него с неодобрением и снова потянулся, чтобы поддержать.

Однако слепой мальчик, оттолкнув его руку, легонько постучал тростью по каменной ступени. Се Хуахуан заметил, что внешние уголки глаз юноши слегка опущены — даже сейчас, когда он выдвигал наглое и раздражающее требование, его лицо, вместо того чтобы казаться высокомерным, выглядело по-детски обиженным и жалким.

— Я хочу, чтобы меня несли, — Шуй Цюэ повернулся в ту сторону, откуда доносился голос Атикуса. Он хорошо запомнил этот ворчливый тон. — Да, я иду медленно. И если тебе это так не нравится — возьми и понеси меня сам.

Сказав это, он для пущего эффекта просто присел на корточки прямо посреди тропы, отказываясь двигаться дальше.

[Боже, какой же он умненький!]

[Ну а что? Наш Шуй-Шуй не видит дороги, разве это не естественно — идти медленнее? Так что, верные псы, быстро построились и приготавились работать носильщиками!]

[Матерь божья, он не только ускорит команду, но и даст этой вонючей псине повод для радости! Этим парням крупно повезло, что у них в команде наш стример!]

[Кто теперь отличит нашего малыша от гения интриги?!]

Слова сорвались с губ Шуй Цюэ раньше, чем он успел обдумать их, и теперь его лицо горело от стыда.

«Кошмар, как же это бесстыдно звучит...»

Шуй Цюэ из последних сил сдерживался, чтобы не закрыть ладонями вспыхнувшие щёки. Он надеялся, что Аттикус сейчас просто пошлёт его куда подальше — ведь для выполнения задания достаточно было лишь самого факта требования.

Аттикус действительно застыл, ошарашенный такой наглостью. Он смотрел на Шуй Цюэ, который, казалось, и впрямь не сдвинется с места, пока его не поднимут.

Юноша никогда не встречал таких людей. Его шея покраснела от ярости — кожа у европейцев тонкая, и гнев сразу проступил яркими пятнами. Было видно, что он в бешенстве.

— Я тебе что, влюблённый идиот, чтобы на побегушках у тебя быть?! — выкрикнул он, сорвавшись на крик. — С какой стати я должен тебя тащить?

Этой фразой он невольно отвесил звонкую пощёчину памяти Се Цяня.

Шуй Цюэ почувствовал укол совести и виновато опустил голову, ковыряя пальцами набалдашник трости. Но в глубине души он испытал облегчение — по крайней мере, Аттикус отказался.

Ли Цзяньшань, который, казалось, самой судьбой был рождён для роли миротворца, поспешил вмешаться. Он замахал руками, призывая Аттикуса успокоиться:

— Ну всё, всё, не шуми. Шуй Цюэ не видит дороги, это нормально, что он устаёт. Он и ростом меньше, и помоложе нас, сил у него не так много. Дорога длинная, подъём тяжёлый — конечно, он выдохся. Давай я, я понесу.

Он смотрел на Шуй Цюэ как на младшего братишку, воспринимая его совсем как ребёнка. С этими словами он начал присаживаться перед юношей, готовясь подставить спину.

Шуй Цюэ так перепугался, что едва не повалился навзничь.

В этот момент мужчина, шедший впереди всех, обернулся. Его лицо было мрачным, а уголок рта дёрнулся в издевательской усмешке.

— Что? — прозвучал его голос, холодный, как шипение змеи. — Привык, что Се Цянь вечно таскал тебя на закорках? Теперь, когда его нет, и шага сам ступить не можешь?

«Как же больно главный герой умеет жалить...»

Шуй Цюэ вспомнил, как в самом начале их знакомства он издевался над Чу Цзин-тином, а тот и слова в ответ вымолвить не мог. Тогда он даже решил, что парень немой. Оказалось — нет, язык у него был на редкость ядовитым. Видимо, за всё то время, что он терпел издевательства, в его душе накопилась целая бездна ненависти.

Шуй Цюэ поджал губы и, отряхнув брюки, поднялся на ноги. Хотя слова Чу Цзин-тина были обидными, они дали ему отличный повод отказаться от помощи Ли Цзяньшаня.

Он не позволил и Се Хуахуану поддержать себя. Стуча тростью, он быстро, почти бегом, преодолел оставшиеся ступени, оторвавшись от Чу Цзин-тина на пять-шесть шагов. Остальные, видя такую внезапную прыть, тоже прибавили ходу.

Шуй Цюэ шёл впереди, подставляя лицо прохладному горному ветру, стараясь унять жар в щеках.

«Каждый раз, когда я пытаюсь продвинуть сюжет, получается какая-то неловкость...»

Шуй Цюэ казалось, что с тех пор, как он получил эту работу в «Великом мире», его кожа стала толщиной с крепостную стену. К счастью, задание было зачтено.

Теперь прогресс составлял 53%.

Наличие каменных ступеней означало, что посреди тропы внезапно не возникнет корявый корень векового дерева. К тому же высота каждой ступени была одинаковой — привыкнув к ритму, Шуй Цюэ пошёл гораздо увереннее.

Почти добравшись до середины горы, тропа резко повернула. В этом месте лестница внезапно обрывалась, и Шуй Цюэ, не успев среагировать, шагнул в пустоту.

Но удара о камни не последовало.

В долю секунды чьи-то сильные руки подхватили его: одна вцепилась в воротник, другая крепко сжала плечо, рывком затягивая обратно на твёрдую почву. Шуй Цюэ затылком врезался в чью-то твёрдую грудь, задев углом ключицу.

Удар был такой силы, что из глаз невольно брызнули слёзы. Впрочем, это было всё же лучше, чем раскроить себе череп о камни.

Чу Цзин-тин развернул его за плечи, продолжая возвышаться над ним и удерживая в тесном кольце своих рук. Он обхватил пальцами его узкий подбородок, так что мягкая кожа щеки невольно смялась под его нажатием. Личико было таким крошечным, что, казалось, мужчина мог полностью накрыть его одной ладонью.

Кожа юноши была тонкой, белой и удивительно чистой. Трудно было поверить, что этот человек провёл в «Бесконечной игре» полгода — на его теле не было ни единого шрама или царапины, да и характер остался таким же невыносимым.

Он был настолько изнеженным, что от одного столкновения в уголках его глаз скопились слёзы. Если бы он действительно рухнул на землю, он бы, наверное, затопил своими рыданиями всю гору.

Чу Цзин-тин нахмурился.

— Ты на дорогу вообще не смотришь? — прорычал он.

Вопрос был глупым до крайности — в порыве раздражения он на миг забыл, что Шуй Цюэ почти ничего не видит. Лицо мужчины выражало такую ярость, словно он готов был живьём проглотить этого мальчишку, но его действия говорили об обратном.

Высокий черноволосый мужчина, не колеблясь, развернулся спиной к Шуй Цюэ и решительно присел. Голос его звучал всё так же жёстко:

— Залезай. Понесу. Повторять не стану.

[...Неужели это любовь?]

[Брат, ты просто эталонный, гордый пёс. Любишь — так люби, ненавидишь — так ненавидь! Беру с тебя пример! Моё почтение...]

[Поздравляю с получением титула «Влюблённый идиот на побегушках».]

[Аттикус одной фразой умудрился оскорбить сразу двоих...]

[Ой-ёй-ёй, что, Чу Цзин-тин, без нашего Шуй-Шуя на спине и дорога не мила?]

[Плохие ступеньки! Злые ступеньки! Чуть не уронили моего малыша!]

[Прекратите нести этот детский лепет в чате...]

— ...Ой.

Шуй Цюэ послушно приник к его спине, обхватив руками шею Чу Цзин-тина.

Чу Цзин-тин легко выпрямился, подхватив его под колени, и уверенно зашагал вперёд, не обращая ни малейшего внимания на озадаченные взгляды товарищей по команде.

Мир плавно покачивался в такт его шагам. Горный ветер овеивал их лица. Шуй Цюэ рассеянно подумал: «Ну и пусть несёт. В конце концов, раньше бывало и похуже, так что это просто ещё один способ поиздеваться над Чу Цзин-тином. Почему бы и нет?»

Эх. А ведь Чу Цзин-тин и впрямь хороший человек. Забыл старые обиды и даже тащит его в гору. Неужели это и есть удел сильных?

Шуй Цюэ встал сегодня ни свет ни заря, совершал обряды, а потом карабканье по горам вытянуло из него остатки сил. Его голова начала мерно покачиваться, и в конце концов он уснул, прижавшись лицом к шее и плечу мужчины.

«...»

Мягкие пряди волос коснулись кожи, и Чу Цзин-тин невольно замер, чувствуя, как всё его тело напряглось. Его ладони поддерживали Шуй Цюэ под коленями — на самом деле, было бы удобнее перехватить его выше, за бёдра, но он ни за что на свете не решился бы сдвинуть руки хоть на сантиметр.

Какова на ощупь кожа на этих бёдрах, Чу Цзин-тин знал слишком хорошо. Этот паренёк казался хрупким и костлявым, но вся его мягкая плоть была сосредоточена на бёдрах и ягодицах — податливая, нежная.

Эти ноги когда-то уже обхватывали его талию. Нет, тогда они сжимали его куда крепче, чем сейчас. Когда Чу Цзин-тин пробирался на коленях через мрачный подземный ход, он почти кожей чувствовал через ткань одежды, как бёдра наездника мягко облегают его бока, ощущая каждый изгиб натренированных мышц.

Как он тогда полз на локтях по грязи в этом тесном, зловонном туннеле, неся на себе человека, — Чу Цзин-тин старался не вспоминать об этом унижении. Тогда время тянулось бесконечно, позволяя ему чувствовать каждое движение Шуй Цюэ. Помнил, как тот прижимался грудью к его спине, когда над ними нависали острые сталактиты.

Воздух в подземелье был спёртым, пахнущим сырой землёй и тиной. И только от его ноши исходил тонкий аромат. Капля пота, скатившаяся с виска юноши, из-за того что тот припал к нему всем телом, скользнула по уху Чу Цзин-тина и замерла на его губах.

Она была сладкой.

Чу Цзин-тину тогда казалось, что он вот-вот сойдёт с ума от ярости и унижения, и даже его чувства начали его обманывать. Но время, вопреки всему, пролетело быстро. Он не сошёл с ума, хотя глаза его налились кровью, и в конце концов он увидел ослепительный свет выхода.

Так же быстро пролетело время и сейчас — вот уже перед ними показались персиковые деревья в монастырском дворе.

Стоило ему остановиться, как Шуй Цюэ проснулся.

— Пришли?.. — Он спрыгнул со спины мужчины.

И тут же заметил, что Чу Цзин-тин весь горит.

Шуй Цюэ в замешательстве спросил:

— Я такой тяжёлый?

Неужели нести его было так трудно? Он весь взмок, покраснелся, того и гляди удар хватит.

— Угу, — коротко бросил Чу Цзин-тин.

— Ты лжёшь, — Шуй Цюэ взял у него свою трость, которую тот прихватил с собой, и начал секцию за секцией раскладывать её. — Се Цянь, когда носил меня, всегда говорил, что я слишком лёгкий. Советовал больше есть.

Чу Цзин-тин промолчал, и Шуй Цюэ решил, что тот обиделся. Он поспешил забрать свои слова о лжи назад, давая мужчине возможность сохранить лицо.

— Ой... Ну, я понимаю. Ты не лгал, — добавил Шуй Цюэ. — Просто ты не такой сильный, как Се Цянь.

Се Цянь всё-таки был старым призраком, а чем старше — тем больше сил, это нормально. Шуй Цюэ не видел лица Чу Цзин-тина, а оно в этот миг стало мрачнее тучи — казалось, его только что убили самым изощрённым способом.

У ворот святилища Убао располагался дом семьи жреца. Сам старик-жрец, сухой и ломкий, как охапка хвороста, но при этом удивительно бодрый, преградил им путь. Его сморщенное лицо застыло в суровой гримасе, а спина была согнута так, словно он нёс на плечах невидимую гору.

— Нельзя, нельзя, — качал он головой, не уступая ни на шаг. — У нас свои законы. В святилище Убао чужакам вход воспрещён.

Ли Цзяньшань, услышав это, выступил вперёд с добродушной улыбкой.

— Уважаемый, мы прибыли из столицы. Я преподаватель Государственного морского университета, привёз студентов, чтобы они своими глазами увидели святыни острова Цянь янь. У нас нет дурных намерений, клянёмся! Мы и пальцем ничего не тронем в вашем храме!

Он поднял три пальца в знак торжественной клятвы. Однако лицо старика осталось непроницаемым. Он сурово заложил руки за спину.

— Нельзя, и точка! Хоть вы из столицы, хоть с самого неба спустились — хода нет. Святилище священно, иноверцам и чужакам здесь не место!

— Если хотите вознести молитву — на внешней стене у входа есть ящик для пожертвований. Молитесь там. Князь Убао всё слышит, он защитит каждого, чьё сердце чисто, — старик, будучи важным представителем острова, старался соблюдать приличия перед гостями, но правила для него были превыше всего. Он замахал руками. — Если же вера ваша крепка, у меня в управлении есть обереги. Бросьте десять монет в ящик — и получите один.

Видя, что группа не уходит, но и раскошелиться не спешит, старик окончательно потерял терпение. Его припухшие веки чуть приоткрылись, обнажая мутные глаза, которыми он окинул собравшихся.

Вдруг его взгляд замер.

— А-а, это ты... — проговорил он, уставившись на Шуй Цюэ. — Из дома того мальчишки, Юань Чжоу? Тебе-то, пожалуй, можно было бы...

Он знал о Шуй Цюэ. Когда Юань Чжоу только вернулся после окончания университета, он приходил в святилище поблагодарить богов за успех и даже просил жреца через какое-то время помочь с организацией свадебного торжества. В сердце старика шевельнулось

сочувствие.

У игроков забрезжила надежда, их лица просветлели. Но старик тут же передумал:

— Эх, нет! Всё равно нельзя! Свадьба-то не состоялась, князь Убао ваш союз не видел и не благословлял. Значит, ты по-прежнему чужак! Я здесь поставлен за порядком следить, этим правилам не одна сотня лет, и нарушать их я не стану. Тебе тоже входа нет!

Он застыл у ворот, преграждая путь подобно вкопанному столбу. Игрокам оставалось только беспомощно глазеть на персиковые деревья во дворе, не имея возможности переступить порог.

— Раз так, придётся возвращаться, — предложил Се Хуахуан.

Терпение Аттикуса лопнуло. Переполненный негодованием, он сорвал придорожную травинку и зло отбросил её.

— Мы полдня тащились в эту гору, а он нас одним словом «нельзя» выставил? И мы просто так уйдём?

Ли Цзяньшань развёл руками.

— А что ты предлагаешь? Среди бела дня на штурм пойдём, что ли?

Они отошли совсем немного от монастырского двора, и Ли Цзяньшань, боясь, что старик его услышит, понизил голос:

— Вернёмся и попробуем найти другой путь. В конце концов, это здание наверняка не единственный символ острова. Расспросим хозяина гостиницы и других жителей, поищем другие места. Самое сложное оставим на потом.

Спускаться было куда легче, чем подниматься. Шуй Цюэ на этот раз пошёл сам.

Когда они вернулись в посёлок, он попрощался с остальными. Се Хуахуан спросил, не нужно ли проводить его до дома, но Шуй Цюэ покачал головой. Он видел очертания крупных зданий и вполне мог дойти сам по знакомым ориентирам, а у входа в деревню Цинтянь его наверняка встретит Мэйцю.

Ли Цзяньшань на прощание добавил:

— Мы пока вернёмся в гостиницу, разузнаем обстановку. А ты, Шуй Цюэ, попробуй выведать что-нибудь у этого своего Юань Юя.

Шуй Цюэ кивнул.

Стоило ему отойти на несколько шагов, как налетел влажный ветер и по крышам забарабанил дождь. Шуй Цюэ с запозданием поднял голову — тяжёлые капли ударили по его лицу, и он инстинктивно зажмурился.

Капли дождя расцветали на его нежной, фарфоровой коже водяными цветами. Гуань Ичжоу и представить не мог, что в его голове могут родиться такие вычурные и поэтические мысли.

Он сорвал с себя сине-белую школьную куртку и широким жестом набросил её на голову Шуй Цюэ, полностью укрыв его лицо и плечи. Через ткань куртки парень обхватил юношу за плечо и потянул за собой под навес, ворча под нос:

— Ты что, дождя не чувствуешь? Совсем глупый? Стоишь посреди дороги и гадаешь на кофейной гуще. Никогда под ливнем не мок, жаром не горел?

В считанные секунды дождь превратился в сплошную стену воды — казалось, в небе пробило брешь, и потоки обрушились на землю плотной белой завесой.

Они стояли под карнизом лавки, спасаясь от ливня. Из-за того что куртка была на Шуй Цюэ, Гуань Ичжоу неизбежно промок: струи воды стекали по рельефным мышцам его рук.

Внезапно он произнёс:

— Я всё видел. Тот парень нёс тебя на спине.

— И зачем ты связался с этими мутными чужаками? — Гуань Ичжоу нахмурился, небрежно смахивая ладонью воду с руки. — Ты ведь с братом Юань Чжоу уже...

Он запнулся, поняв, что сморозил глупость. Мало того что Юань Чжоу погиб, так они со Шуй Цюэ даже свадьбу не сыграли. Да будь тот хоть тысячу раз жив и женат, это всё равно не давало ему права запрещать Шуй Цюэ общаться с заезжими мужчинами.

— Это не мутные чужаки... — Шуй Цюэ решил, что ради репутации своей команды стоит прояснить ситуацию, чтобы их не приняли за каких-нибудь проходимцев. — Я знаю их по университету. Ну... мы все друзья.

Он специально подчеркнул их связь, назвав однокурсниками. Брови Гуань Ичжоу сошлись на переносице.

В голове у него всплыл журнал, который он вчера конфисковал в молодёжном совете. Один из его прихлебателей хвастался, что это сокровище с трудом достал его старший брат,

работающий в городе.

Яркая обложка была затискана до неузнаваемости, буквы в названии вроде «Современная любовь» почти стёрлись, а бумага была жёсткой, дешёвой и пожелтевшей. Он пролистал её мельком: первые страницы занимали такие непристойные картинки и тексты, что его едва не вывернуло. Дальше, к счастью, шёл просто текст.

И там он случайно наткнулся на слово «гомосексуальность». Гуань Ичжоу тогда, как воришка, поспешно захлопнул журнал. И только вечером, когда в комнате никого не было, решился открыть его снова. В той сомнительной книжонке писали, что красивые молодые парни пользуются невероятным спросом на «рынке любви», обычно ведут беспорядочную жизнь и могут встречаться с пятью-шестью любовниками одновременно.

Вторая часть фразы явно была плодом чьей-то больной фантазии. Но Шуй Цюэ сейчас сам заговорил о каких-то «друзьях».

В голове у Гуань Ичжоу что-то щёлкнуло, и он ляпнул:

— Тот, что тащил тебя на спине, очкарик и этот золотистый иностранец... Эти трое случайно не все твои парни?

Дождь с грохотом колотил по железному навесу над ними, и Шуй Цюэ на мгновение не расслышал вопроса.

— А?

<http://bllate.org/book/15811/1435636>